

Н. Г. Петрова

## К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯТИВНОСТИ НА УРОВНЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АКМЕИСТОВ

На материале поэтического дискурса акмеистов, представленного сборниками стихов «Чужое небо» (1912) Н. С. Гумилёва, «Вечер» (1912) А. А. Ахматовой и «Камень» (1913) О. Э. Мандельштама, рассматриваются особенности лексической регулятивности на уровне высказывания. Выявляется как общее, так и индивидуальное в организации познавательной деятельности читателей разными авторами.

**Ключевые слова:** поэтический дискурс, акмеизм, высказывание, регулятивные цепочки, основанные на повторе тождественных лексических единиц, регулятивные цепочки, основанные на семантической соотнесенности слов.

Творчество поэтов-акмеистов продолжает интересовать не только литературоведов, но и лингвистов в различных аспектах [1–5 и др.].

Цель данной статьи, выполненной в рамках одного из направлений коммуникативной стилистики текста – теории регулятивности [3; 6], состоит в выявлении и описании общего и индивидуального в организации познавательной деятельности читателя на уровне высказывания в поэтических текстах Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама.

Материалом для исследования послужили три сборника стихов: «Чужое небо» (1912) Н. С. Гумилёва [7], «Вечер» (1912) А. А. Ахматовой [8] и «Камень» (1913) О. Э. Мандельштама [9], отражающие основные тенденции акмеизма как литературного направления, идущего на смену символизму.

Одним из способов организации читательской деятельности на уровне высказывания – основной коммуникативной единицы, способной, по В. Г. Гаку [10, с. 358], отражать целый фрагмент действительности – ситуацию, являются лексические **регулятивные цепочки**. Они представляют собой союзные и бессоюзные объединения семантически близких или тождественных лексических единиц, которые могут быть как в объеме слов, так и сверхсловных единиц, обусловленные микростратегией автора, отражающей его стремление актуализировать в сознании читателя важные в коммуникативном отношении элементы описываемой ситуации.

В зависимости от того, какой частью речи являются члены регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, различаются следующие их виды: **именные, местоименные, глагольные и наречные** регулятивные цепочки. (Подробнее об этом см. [11, с. 40].)

Наблюдения показали, что для поэтического творчества Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой указанного периода среди именных регулятивных цепочек, служащих для выражения субъективно-мо-

дальных значений множественности, интенсивности, полноты и исключительности, частотны субстантивные регулятивные цепочки: *Мне из **рая**, прохладного **рая**, / Видны белые отсветы дня* (Н. Гумилёв – далее Н. Г.); *Ведь пахли иначе **травы** / Осенние **травы**; Прошумели высокой осокой / Про **весну**, про мою **весну*** (А. Ахматова – далее А. А.). В поэтических же текстах О. Э. Мандельштама нами отмечен только один случай употребления субстантивных регулятивных цепочек: *О **небо**, **небо**, ты мне будешь сниться! // Не может быть, чтоб ты совсем ослепло...*

Адъективные регулятивные цепочки имеют место лишь в стихотворениях Н. С. Гумилёва. При этом ограничено как их количество, так и разнообразие: поэт использует в качестве повторяющихся лексических единиц только качественные прилагательные «легкий» и «далекий»: *И **легких**, **легких** крыл дрожанье / В сверканье сладком белизны; С поджатыми ножками смотрит без мысли и снов, / Внимательно слушая **легкие**, **легкие** звоны; Я уеду, **далекий**, **далекий**, / Я не буду печальным и злым.*

Ср. также субстантивные прилагательные в качестве членов именной регулятивной цепочки, представляющей собой риторическое обращение, у А. А. Ахматовой: *Я ответила: «**Милый**, **милый!** / И я тоже. Умру с тобой...».*

Повторяющиеся имена числительные у поэтов-акмеистов нами не отмечены.

Для создания местоименных регулятивных цепочек Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова и О. Э. Мандельштам используют личные, указательные, притяжательные и определительные местоимения, в то время как поэты-символисты – личные и отрицательные [12]. Например: *Вот я один в вечерний тихий час, / Я буду думать лишь о **вас**, о **вас**; Но тогда нам сверкнули все слова, все истома, / Как кочевницы звезды, что восходят раз в год* (Н. Г.); *Тот же голос, тот же взгляд, / Те же волосы льняные* (А. А.); *Твой жеребий страшен и твой дом непрочен; На стекла вечности уже ле-*

гло / **Мое** дыхание, **мое** тепло; **Сей** длинный выводок, **сей** поезд журавлиный, / **Что** над Элладою когда-то поднялся; Дано мне тело – что мне делать с ним, / **Таким** единым и **таким** моим? (О. Э. Мандельштам – далее О. М.).

Как видно из приведенных примеров, употребление указанных лексико-грамматических разрядов местоимений преимущественно в качестве позиционно разделенных членов регулятивных цепочек позволяет поэтам-акмеистам не только передать сходство разных предметов или разных свойств одного и того же предмета/явления, но и усилить его. Данный вид регулятивных цепочек, наиболее частотный в стихотворениях О. Э. Мандельштама, кроме того, что организует деятельность читателя (адресата), еще и фиксирует внимание на адресанте, поскольку одной из особенностей семантики местоимений является эгоцентризм: значение любого местоимения сориентировано на говорящего.

Глагольные регулятивные цепочки характерны для Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой: *Боже, как чисты / И как мучительны мечты! // Ну что же, раньше сердце, раньше; Но я выпью, и выпью с улыбкой, / Все налитое ею вино; Я узнал, узнал, что такое страх, / Погребенный здесь в четырех стенах* (Н. Г.); *Хорони, хорони меня, ветер! // Родные мои не пришли; Но не хочу, не хочу, не хочу / Знать, как целуют другую* (А. А.).

Наречные (или адвербиальные) регулятивные цепочки, имеющие место в поэтических текстах каждого из авторов, относятся к лексико-грамматическому разряду определительных или собственно-характеризующих наречий [13]. Использование данного лексико-грамматического разряда наречий в качестве членов регулятивных цепочек позволяет сосредоточить внимание читателей на характеристике действия со стороны его количества или качества: *Так много, много в глухих заливах / Лежит любовников других; Я свет руками заслоню / И буду плакать долго, долго* (Н. Г.); *Страшно, страшно к нелюбимому, / Страшно к тихому войти* (А. А.); *И день сгорел, как белая страница: / Немного дыма и немного пепла; И, все быстрее и быстрее, / Отравленные дротики взвиваются / В руках отважных дикарей; Я каждому тайно завидую / И в каждого тайно влюблен* (О. М.).

Частотность употребления поэтами-акмеистами наречных (О. Э. Мандельштам) и глагольных (Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова) регулятивных цепочек подтверждает отмеченную И. И. Ковтуновой общую тенденцию поэтического языка XX в., состоящую в усилении признаков текста и повышении его предикативности [14, с. 102]. (О преваляции глагольных и адвербиальных цепочек у символистов см. [12].)

Если для поэтических текстов Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама характерны регулятивные цепочки, состоящие только из двух повторяющихся лексических единиц (см. примеры, приведенные выше), то у А. А. Ахматовой имеют место регулятивные цепочки и из трех тождественных лексических единиц: *Страшно, страшно к нелюбимому, / Страшно к тихому войти; Но не хочу, не хочу, не хочу / Знать, как целуют другую*.

Тождественные лексические единицы, образующие лексические регулятивные цепочки, могут располагаться контактно, т. е. непосредственно следовать одна за другой, или быть позиционно разделенными. Типичным для поэтов-акмеистов является позиционное разделение членов лексических регулятивных цепочек.

Следует отметить, что в стихотворных текстах А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама есть случаи, когда повторяющиеся лексические единицы сочетаются с прагмой – междометием «о». Она выполняет одновременно две функции: модальную и интенсификации (усиления) и влияет не только на слово, перед которым употребляется, но и на высказывание в целом. Например: *Кого ты на смерть проводила, / Тот скоро, о, скоро умрет; Здесь никогда ничего не случится, – / О, никогда!* (А. А.); *О небо, небо, ты мне будешь снится! // Не может быть, чтоб ты совсем ослепло* (О. М.). У А. А. Ахматовой повторяющиеся лексические единицы, образующие лексические регулятивные цепочки, могут сочетаться также с прагмой – усилительной частицей «и» (подробнее о прагмах и информемах см. [3]), усиливающей значение слова, перед которым стоит, выделяя и подчеркивая его: *И всегда, всегда распахнут / Ворота куртки голубой*.

Рассмотренные сочетания, как видно из приведенных примеров, создают двойную эмфазу: выделяются уже выделенные (в силу повторения), важные в смысловом отношении элементы высказывания. Использование таких сочетаний обеспечивает экспрессивность художественной речи, что, в свою очередь, приводит к повышению эмоционально-оценочного воздействия на читателя.

В стихотворениях Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама отмечены случаи, когда повторяющиеся лексические единицы (наречия) при вторичном употреблении осложняются конкретизатором, в качестве которого выступает слово «все», употребляемое в значении усилительной частицы: *Только... я вижу все чаще и чаще* (Н. Г.); *И, все быстрее и быстрее, / Отравленные дротики взвиваются / В руках отважных дикарей* (О. М.).

В целом, являясь средством создания прагматичности на уровне высказывания, повтор тождественных лексических единиц, коррелирующих

с одним и тем же элементом описываемой ситуации, в значительной мере облегчает смысловое восприятие информации читателем.

Анализ поэтических текстов акмеистов показал, что на уровне высказывания у Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама используются «перекрестные» лексические регулятивные цепочки: *А ночь темна, а ночь беззвучна: / Спешите, трусы по домам; Учил молчать, учил бороться, / Всей древней мудрости земли; Забудь про все, иди, не зная страха, / Иди, провозглашая мне хвалы* (Н. Г.); *Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины ложь; На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло; Дано мне тело – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?* (О. М.).

Как видно из примеров, особенность данного вида регулятивных цепочек состоит в том, что повторяющиеся тождественные лексические единицы относятся к разным реалиям художественного мира. Употребление перекрестных лексических регулятивных цепочек акцентирует внимание не только на повторяющейся лексической единице, но и на неповторяющихся. При этом если повторяющиеся глаголы позволяют описать ситуацию полнее за счет реализации глаголом как частью речи своей категориальной валентности, то повторяющиеся имена существительные и местоимения позволяют объединить в сознании читателя или разные признаки/свойства одного и того же предмета/явления, или разные действия одного и того же субъекта. Ср. высказанную Н. Г. Полтавцевой мысль о том, что основным принципом поэтики акмеизма является «принцип собирательства, концентрации, сосредоточения вокруг субъекта его мира, его личного космоса» [5, с. 46]. (О перекрестных лексических регулятивных цепочках в творчестве символистов см. [12].)

Среди идиостилевых особенностей А. А. Ахматовой на уровне высказывания необходимо отметить «разорванность» лексических регулятивных цепочек как с контактным расположением членов, так и перекрестных, возникающую за счет парцелляции: *Я молчу. Молчу, готовая / Снова стать тобой, земля; Я вижу все. Я все запоминаю.* Данный прием призван дополнительно актуализировать внимание читателя на повторяющихся лексических единицах и тем самым приблизить к пониманию смысла на уровне сложного высказывания.

Кроме того, у А. А. Ахматовой в стихотворении «Под навесом темной риги жарко...» отмечен случай контаминации глагольной регулятивной цепочки с контактным расположением членов и субстантивной перекрестной регулятивной цепочки: *И звенит, звенит мой голос ломкий, / Звонкий голос не узнавших счастья...*

Представляется, что именно перекрестные лексические регулятивные цепочки, широко употребляемые на уровне высказывания Н. С. Гумилёвым и особенно О. Э. Мандельштамом, а также контаминация разных видов регулятивных цепочек, отмеченная у А. А. Ахматовой, в известной степени отражают «уплотнение эмоций» [2, с. 44], характерное для акмеизма как литературного направления.

Кроме отмеченных случаев усиления смысловых признаков одного из элементов ситуации за счет повтора лексем, в стихотворениях Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама имеют место случаи, когда усиливается весь смысл описываемой ситуации. Это выражается в повторе предложений (или их частей) в рамках сложного высказывания. Например: *Ты знала все, ты знала, что и нам / Блеснет сиянье розового рая; Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна* (Н. Г.); *Это все ...Ах, нет, я забыла, / Я люблю вас, я вас любила / Еще тогда!; Но сердце знает, сердце знает, / Что ложа пятая пуста!* (А. А.); *О, позволь мне быть также туманным / И тебя не любить мне позволь* (О. М.).

Данный вид повтора, как видно из приведенных примеров, оказывается значимым в организации читательской деятельности в двух планах: располагаясь контактно, повторяющиеся высказывания или создают установку на развитие смысла в последующей части сложного высказывания, или завершают и усиливают ранее актуализированный смысл, содержащийся в предыдущей части сложного высказывания.

Перейдем к рассмотрению регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов.

В зависимости от характера семантического взаимодействия лексических единиц данный тип включает три вида регулятивных цепочек: **синонимические, антонимические и синонимично-антонимические.**

Анализ стихотворных текстов Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама показал, что на уровне высказывания поэты-акмеисты используют только два вида регулятивных цепочек: синонимические и антонимические.

Необходимо отметить, что синонимических регулятивных цепочек в поэтических текстах акмеистов крайне мало. Кроме того, все синонимы, образующие цепочки, являются авторскими: *Никогда ничему не поверите, / Прежде чем не сочтете, не смерите* (Н. Г.); *Любовь покоряет обманно, / Напевом простым, неискusstным; Как мне скрыть вас, стоны звонкие! // В сердце темный, душный хмель; Мне стало страшно, стало как-то смутно; И солнца бледный, тусклый лик – / Лишь кру-*

глое окно (А. А.); *Что мне делать с птицей раненой? // Твердь умолкла, умерла* (О. М.).

Употребление синонимических регулятивных цепочек приводит к тому, что одни слова, мысли, эмоции, коррелирующие с фрагментом ситуации, становятся более выпуклыми, рельефными, другие же отодвигаются на задний план. Тем самым создаются условия для адекватного постижения смысла высказывания читателем.

Антонимические регулятивные цепочки не только выделяют мысли или понятия, важные с точки зрения автора, но и эмоционально воздействуют на читателя. Ср. замечание А. И. Федорова о том, что использование антонимов «всегда сопровождается определенным эмоциональным отношением к противопоставленным понятиям, если даже слова, выражающие эти понятия, стилистически нейтральны» [15, с. 76–77].

Для выражения противоположности, создания контраста в рамках высказывания Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова и О. Э. Мандельштам используют преимущественно разнокорневые антонимы: *О, счастье! О, пенье бунтующей крови! // Отец, отпусти меня ... завтра ... сегодня!..* (Н. Г.); *Мил сегодня, а завтра далек; Я смеюсь, а в сердце злобно плачу* (А. А.); *Расположил апсиды и экседры, / Им указав на запад и восток* (О. М.).

Случаи употребления однокорневых антонимов в качестве членов антонимических цепочек единичны: *Мне холодно ... Крылатый иль бескрылый, / Веселый бог не посетит меня* (А. А.); *Приливы и отливы рук... // Однообразные движенья... // Ты заклинаешь, без сомненья, / Какой-то солнечный испуг* (О. М.).

Кроме узуальных, поэты-акмеисты используют и уникальные (авторские) антонимы: *Прочь легкие приемы, / Башмак по всем ногам, / Знакомый / И нищим, и богам* (Н. Г.); *Возникают, стираются лица* (А. А.); *В огромном омуте прозрачно и темно, / И томное окно белеет* (О. М.). Ср. также окказиональные антонимы на уровне сложного высказывания в стихотворении О. Э. Мандельштама «Отравлен хлеб, и воздух выпит...»: *Все исчезает – остается / Пространство, звезды и певец!*

Наблюдения показали, что антонимические цепочки могут быть образованы за счет членов двух антонимических пар. Например, в стихотворении О. Э. Мандельштама «Адмиралтейство» антонимическая цепочка «вода – небо» появилась в результате объединения поэтом таких антонимических пар, как «вода – суша (земля)» и «земля – небо»: *И в темной зелени фрегат или акрополь / Сияет издали – воде и небу брат*. Ср. антонимы на уровне сложного высказывания в стихотворении Н. С. Гумилёва «Я верил, я думал...», возникшие за счет объединения двух антонимических пар «вчера –

сегодня» и «сегодня – завтра»: *Летящей горю за мною несется Вчера, / А Завтра меня впереди ожидает, как бездна*. Представляется, что данные антонимы занимают промежуточное положение между узуальными и авторскими, отражая как мировоззренческие принципы акмеизма, так и «реформы» поэтического слова. См. некоторые из них, сформулированные С. Ю. Кристалль на основе анализа программных статей основателей акмеизма: «Поэтическое творчество рассматривается как строительство, в ходе которого необходимо преодолеть сопротивление материала – слова, и высвободить его потенциальные возможности»; «Слово, а не значение, оказывается главной реальностью поэтического текста» и др. [5, с. 28].

Небезынтересно, что если Гумилёв и Ахматова употребляют антонимы преимущественно в противительной функции, то Мандельштам, как и символисты, – в соединительной.

По нашему мнению, слабую, по сравнению с символистами, представленность антонимических регулятивных цепочек в поэтическом творчестве Гумилёва, Ахматовой и Мандельштама можно объяснить таким постулатом акмеизма, как «восстановление целостности мира в противовес расколотости „земного и небесного“ в символизме» [2, с. 44].

В ряде стихотворений О. Э. Мандельштама обращают на себя внимание сочетания слов, соотносящиеся с синонимично-антонимическими цепочками, имеющими место в поэтических текстах символистов.

Так, несомненный интерес представляет сочетание лексических единиц «полу-явь» и «полусон» со значением «состояние, среднее между сном и бодрствованием», вступающих в противительные отношения в результате их дефисного написания, и лексической единицы «забытье» со значением «дремотное состояние; полусон» в стихотворении «Скудный луч холодной мерою...»: *Утро, нежностью бездонное, / Полу-явь и полусон, / Забытье неутолненное, / Дум туманный перезвон...*

Данное сочетание на уровне сложного высказывания, с одной стороны, отражает усиление семантических признаков (о нем в поэзии А. Ахматовой см. [3, с. 201–283]), а с другой – напоминает синонимично-антонимические регулятивные цепочки, используемые символистами на уровне высказывания для передачи представлений о сложных явлениях или процессах описываемого художественного мира. Ср., например, регулятивную цепочку из стихотворения К. Д. Бальмонта «К людям» (сб. «Только любовь»), представляющую собой сочетание узуальных и окказиональных лексических единиц и передающую «вечность» жизни: *Когда*

же упряюсь я вином мировым, / *Умру и воскресну и буду живым*. (Подробнее о синонимично-антонимических регулятивных цепочках в поэзии символистов см. [12].)

Следует отметить, что количество регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, в поэтических текстах Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама, существенно меньше по сравнению с количеством цепочек данного типа у К. Б. Бальмонта, В. Я. Брюсова и З. Н. Гиппиус.

Подведем некоторые итоги.

Общим у Гумилёва, Ахматовой и Мандельштама в организации читательской деятельности на начальном этапе смыслового развертывания текста в проанализированных сборниках стихов является:

а) превалирование наречных регулятивных цепочек среди цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц;

б) широкое использование позиционно разделенных регулятивных цепочек, основанных на тождественном повторе;

в) преобладание среди регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, антонимических цепочек;

г) употребление в составе синонимических регулятивных цепочек только лексических единиц окказионального типа.

К наиболее ярким идиостилевым особенностям лексической регулятивности на уровне высказывания следует отнести:

а) использование Н. С. Гумилёвым адъективных регулятивных цепочек;

б) свойственные А. А. Ахматовой, с одной стороны, «разорванность» лексических регулятивных цепочек, возникающая за счет парцелляции, с другой – контаминация регулятивных цепочек;

в) доминирование у О. Э. Мандельштама антонимов в соединительной функции в составе антонимических регулятивных цепочек, а также употребление поэтом сочетаний лексических единиц на уровне сложного высказывания, напоминающих синонимично-антонимические регулятивные цепочки, употребляемые символистами на уровне высказывания.

### Список литературы

1. Лекманов О. А. Акмеизм как литературная школа: опыт структурной характеристики: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 324 с.
2. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. 151 с.
3. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 312 с.
4. Карпенко С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на мат-ле творчества Н. С. Гумилёва): автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 26 с.
5. Кристаль С. Ю. Текстовое ассоциативное поле в поэтическом дискурсе акмеизма (на примере макрополя «творчество»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 215 с.
6. Болотнова Н. С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. Opole, 1998. Вып. 7. С. 179–188.
7. Гумилёв Н. С. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 590 с.
8. Ахматова А. А. Собр. соч.: в 2 т. М.: Правда, Огонёк, 1990. Т. 1. 448 с.
9. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. Стихотворения. 638 с.
10. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики*. 1972. М., 1973. С. 349–372.
11. Петрова Н. Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. Вып. 6 (96). Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. С. 39–45.
12. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова; ред. кол.: Н. Д. Арутюнова и др.; Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с. Т. 2. 709 с.
13. Петрова Н. Г. Лексическая регулятивность на уровне высказывания: универсальное и индивидуальное в поэтическом дискурсе символистов // *Сибирский филологический журнал*. 2010. № 3. С. 134–143.
14. Ковтунова И. И. Введение // *Очерки истории языка русской поэзии XX века: грамматические категории*. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. С. 101–106.
15. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1969. 92 с.

Петрова Н. Г., кандидат филологических наук, доцент, докторант.

**Томский государственный педагогический университет.**

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: npetrova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 1.08.2011.

*N. G. Petrova*

**TO THE PROBLEM OF THE LEXICAL REGULATIVITY ON THE LEVEL OF AN UTTERANCE  
IN THE POETIC DISCOURSE OF ACMEISTS**

In the article on the basis of the poetic discourse of acmeists, presented by the poetry collections “Strange Sky” (1912) by N. S. Gumilev, “Evening” (1912) by A. A. Akhmatova and “Stone” (1913) by O. E. Mandelstam, features of lexical regulativity are regarded on the level of an utterance. The general as well as the individual is revealed in organizing of cognitive activity of readers by different authors.

**Key words:** *poetic discourse, acmeism, utterance, regulative chains based on the repetition of identical lexical units, regulative chains based on the semantic correlation of words.*

**Tomsk State Pedagogical University.**

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: npetrova@ngs.ru